Реабилитация памятью

Category: Kitapcy,Söhbetdeşlik
написано kitapcy | 24 января, 2025
Реабилитация памятью РЕАБИЛИТАЦИЯ ПАМЯТЬЮ

По просьбе читателей, наш корреспондент встретилась с поэтом Аллаяром Чуриевым, в последнее время активно занятым поиском свидетельств жертв массовых репрессий в период культа личности И.В.Сталина в Туркмении. Предлагаем вашему вниманию состоявшейся разговор.

– Аллаяр Чуриевич, до сих пор не были известны материалы судебных процессов над жертвами массовых репрессий, проходивших в республике в 20-е – 30-е годы. Изменилось ли что-то в последнее время? Изменилось ли что-то в последнее время?

– Увы! Хотелось бы. Но пока остается довольствоваться всеми другими архивными материалами, кроме материалов процессов. Много помогают родственники.

– И…

– Письмо с просьбой о разрешении работать с материалами судебных процессов отправлено в соответствующие организации давно, но ответа нет…

– Ответа нет, а надежда?

– Безусловно, есть. Понимаете, сегодня приходят письма, оставшиеся в живых интересуются судьбой близких. Отвечать когда-то придется. Например, есть письмо от одного чабана. Он пишет, что брата его отца бабушка ждала до последних дней. Он просит: не пишите о нем, не делайте из него героя, хотя бы помогите узнать, как он погиб.

– А вы?

— Я не всегда могу ответить на вопросы. Мой источник в основном — это газетные публикации того времени, и редкие свидетели тех событий, случается — родственники. Кстати, на последних сильный отпечаток отложило родство с «врагом народа». Их обрекли на жизнь в загоне, в презрении. Поверьте моему опыту общения с этими людьми: никогда не беритесь осуждать тех, кто сменил имя, фамилию, опасаясь преследования. Вдумайтесь, преследования не отдельными людьми — а государством. И не осуждайте. Например, сын репрессированного второго секретаря ЦК КП(б)Т Чары Веллекова, стал Владимиром Петровичем (он сейчас живет в Сочи), Оразмурад Атабаев сын Хаджы Атабаева (я о нем расскажу) взял имя Михаил.

— Расскажите, пожалуйста, о людях, живших в конце сороковых.

— Скорее, не живших, а погибших в конце сороковых… Вначале я хочу напомнить имя, безусловно всем известное: Кайгысыза Атабаева. В двух словах он был Председателем Совета Народных Комиссаров республики, когда в застенках стали исчезать один за другим видные коммунисты, Атабаев отправился в 37-м году, самом страшным — в Москву, надеясь выяснить судьбу товарищей и поправить ошибку. Ему удалось встретиться с Кагановичем. Тот посоветовал обратиться к Ежову. С ЛубянкиАтабаевне вернулся. Через семь месяцев его застрелили в кабинете следователя. Вам известна его настоящая фамилия? Сердаров. Атабаев — фамилия его друга, с которым учился в Ташкентской учительской семинарии — Мухамедкули.

— А какова судьба Мухамедкули?

— Нет, он не репрессирован — умер ранее. Вот его брата — Хаджи — арестовали на посту наркома совхозов республики. Следом забрали жену Доли и дочку Энекейик. Они оба отсидели два года — других троих детей, младших, отправили в специальный детприемник для детей врагов народа в Чимкент. С трудом в 39-ом году Доли разыскала их. Хаджи же был расстрелян.

— О тех временах с косвенными или прямыми участниками говорить

трудно. Как они встречают вас?

– Кто укорами – где раньше был? Есть такие, что молчат. Время ушло, им не хочется даже говорить.

– Какие обвинения предъявляли врагам народа?

– В общем, формулировки стандартные, почти у всех одинаковые. Первым пунктом шел национализм. Вторым – контрреволюционная деятельность, участие в организации «Свободная Туркмения» – «Туркмен азатлыгы». По типу московских процессов здесь пытались сотворить аналогичные, выдумывали грандиозные криминалы. И так же судили. Механизм до удивления одинаков, действовал без сбоя. Представьте, как враг народа был арестован Халмурад Сахатмурадов, бывший первый секретарь ЦК КП(б)Т, во время ареста работавший в Москве заместителем директора Института языка и литературы народов Востока. Арестовали его жену – А.М.Левину. Она долгое время вместе с мужем работала в Туркмении, многое сделала для привлечения женщин в общественной жизни. Отправили их, как выяснилось в Туркмению. Вскоре в тюрьме Левина без медицинской помощи родила. Но ребенка, как только подрос, забрали в детприемник и в возрасте одного года и одного месяца он умер. Муж ее был расстрелян, а Анну Макаровну отправили в Сибирь. Только двадцать лет спустя обоих супругов реабилитировали.
Кстати, я со многими оставшимися в живых женами наркомов разговаривал, они все одно и тоже рассказывают: мужья, когда их забирали, уверяли, что они чисты, и все недоразумение…

– А где в Ашхабаде находилась тюрьма НКВД?

– За тоннелем на Стекольной улице.

– Аллаяр Чуриевич, видимо, у нас в Туркмении у репрессий были особенности?

– Наверное, они были более кровавыми. Представьте, у любого врага народа пол-аула – родственники. Когда, например, арестовали Сахатмурадова, на его родине, в Кеши, это под

Ашхабадом, началась неразбериха. В центре аула собирали народ и устраивали политические покаяния. Селяне обличали родственников. Друзей, свято веря, что борются с врагами. Вечером, глядь, после собрания – иных нет. Более ста человек тогда арестовали. Осталось в живых всего несколько. Огульбоссан Назарова 10 лет пробыла на Колыме (в ту пору она работала председателем сельсовета Кеши). Вот и пошла по этапу – общалась с Сахатмурадовым часто. И отправляли их, не знающих русского языка, не знающих как попросить воду, хлеб. Наверное, как ни старайся, не представить нам всех ужасов, ими пережитых.
– Жены некоторых репрессированных, вы сказали, остались живы. О чем они вам рассказали?

– О женской половине тюрьмы. Жена известного поэта Ораза Тачназарова, Елизавета Ефимовна, сама беременная, оказалась в одной камере с женой Курбансахатова, заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров, Екатериной Сергеевной Чернух, у той отобрали грудного ребенка, и он вскоре умер.

– Помнится, одна из первых статей у вас была о Бяшиме Перенглиеве, бывшим первом наркоме просвещения.

– Да, почти пять летназад ее опубликовали. Правда, без многих подробностей. Вторая тогда еще не наступила. Между прочим, первого внука, первого ребенка в семье бабушка попросила назвать Бяшимом, что в общем-то переводится «пятый», в честь деда. В то время много народа пострадало: первый нарком внутренних дел республики Бяшим Культешеров, нарком социального обеспечения Гарры Кулыев, первый секретарь ЦК КП(б)Т Анна Мухамедова… Только у меня собрано более сорока фамилий руководства республики, уничтоженного в те годы.
Им досталось так, что помнили даже внуки. Например: внук Мухамедкули Атабаева, Овезгельды, говорил, что в школе с ним никто не хотел сидеть за одной партой. А шло начало пятидесятых.

– Сколько всего репрессированных в республике?

– Я не знаю таких цифр.

– Аллаяр Чуриевич, видимо, настало время задать традиционный вопрос: почему вы пришли к этой теме?

– Скажу сразу: и гражданские, и личные чувства заставили откликнуться. Два деда – по отцовской, и по материнской линии – репрессированы. Один умер, другой отсидел на Севере и вернулся в село. Звали его Чары Балы. Инкриминировали ему то, что дескать, он английский шпион. А сначала Чары Балы милиционером был, потом – председателем сельсовета, но, правда, не знал где Англия находится. Многим приписывали разведку на восточные страны.
Без особых разбирательств – на арбу – и в город.

– Аллаяр Чуриевич, где читатель встретит ваше имя в ближайшее время?

– В издательстве «Магарыф» готовится книга «По велению сердца», в издательстве «Туркменистан» – очерки о репрессированных. Скоро, надеюсь, выйдут.

Н.Белеля.

«Комсомолец Туркменистан» 11.03.1989 год. Söhbetdeşlik